

Гербарий памяти

СВЕТ В ТУННЕЛЕ

Изжеле-белые, прорезанные несладкой жизнью волосы на его голове я вижу теперь лишь на фото, на экране. Но точно такими помню их во ВГИКе 50-х. Он всегда был коренаст, широкоплеч, предостерегающ, но ему никогда не угрожала тучность. Он никогда не стремился выглядеть моложе своих лет — напротив, баловался трубкой (как правило, пустой), нагоняя, напуская на себя солидность и возраст, но переливал все их почти всех. Вот почему он был во все известные мне времена «старым Габром» или «папашей Габром».

Евгений Иосифович Габрилович — талантливейший человек, писатель-сценарист, признанный во всем мире глава новой, плотно сомкнутой с литературой школы кинодраматургии, командор «великого лагеря драматургов». Это давно уже не просто имя, но понятие: историческое, научное. Как в физике «один Тамм», подаренный ей прославленным академиком, так в кино, в сценарной литературе, мог бы существовать «один Габр» — в шкале 5-балльных ценностей. (Впрочем, меня занесло. Среди тысяч прочитанных мной сценариев за полнометражную редакторскую жизнь, конечно, случались достойные одного, даже двух «Габров», но никогда трех. Что до современной сценарной макулатуры, она должна оцениваться оптом — в килограммах, центнерах, тоннах. Похоже до «Габра» или десятой его доли ей не податься никогда).

И, конечно же, Габрилович — имя нарицательное. С легкой руки М. Ромма, обращавшегося к студентам-режиссерам, вошла в обиход фраза-формула: «Не думайте, что сценарии вам будет писать Габрилович!» Он призвал не ударяться в снобизм и искать рациональное зерно в сценарии, содержащем 0,1 или даже 0,01 «Габра».

Кто-то назвал Евгения Иосифовича старейшиной ордена золотых перьев. Золото здесь не гонорар — хотя и он тоже: ничто не оплачивается в литературе так щедро, как сценарий, запущенный в производство. Штука в том, что еще Горький назвал жанр драматургии «труднейшим», требующим особого склада дарования и нечеловеческого упорства в достижении цели. Он подчеркивал слабость фундамента в отечественной словесности: призвал молодых учиться драматической форме у испанцев, итальянцев, французов. Разумеется, и у Шекспира — спеша вывести за скобки свои пьесы. Полнокровные, бессмертные, сценические творения, по горьковскому разумению, не дотягивают до собственно «пьес», это «исцелены из жизни...». Но то — театр. О кино же, на примере его «университетов», помыслил страшно: написал несколько сценариев, но ни один не был экранизирован, лежат в сценарном портфеле полного сочинения. Другой пример на тему перья из золота. Как живописец рисует полотно краской, оператор кадр — светом, так сценарист пишет и обязан писать — действием. Внешним и внутренним. Составляющим букет поступков. Джек Лондон, прочитав экранизацию своего романа, сказал о голливудском сценаристе: «Черт побери, у этого парня больше действия в сценарии, чем во всех моих книгах, вместе взятых!» То была белая зависть мастера динамичных сюжетов, обеспечивавших всемирную славу.

Пожалуй, это восточное, скифское в нас: еду, вижу, пою. О чем покой? О том, что вижу. И так — до конца пути. Описательность, созерцательность может радовать, но для кино это — слезы, приехали. Вот почему сценаристы в мои времена любили съезжаться на семинары, симпозиумы, пленумы: проблем в коварном, злокозненном жанре всегда хватало. Габр с видимой неохотой устранился в президиум — он никогда не бравировал, не упивался ролью мэтра. Торчавшая во рту трубочка 70-летнего Гека Финна и на том пленуме СК, о котором мне вспомнилось, подчеркивала в нем нечто рабочее, свое, деловое. Ораторы говорили все про то и все о том: «Нелюбимо наше море, день и ночь шумит оно, в роковом его просторе много бед погребено...». И это была правда.

Все, однако, ждали — как жivotворного откровения — закурительного слова Габра. Он вышел, толкнув трубочку в карман, к микрофону. Уж эта мне изжеле... (нет, уже позеленела, словно тронутая вечностью бронза) белая прядь! Откинул, улыбнулся, расплылся свои руки-трудяги по трибунам бортикам: — Я тут приболел. Даже не приболел, а можно сказать, чуть не умер. (Зел тревожно затаялся — ибо на лице мэтра не было следов пережитого: Габр как Габр на полные сто...) И вот мне, летящему по туннелю, уже мерещились огни райа, когда я словно бы оч-

нулся и — стал выздоравливать... Он продолжал речь, смысл которой был в том, что, сколько он себя помнит, сценарии писать всегда было трудно, и, вероятно, на том свете, если там существует кинематограф, писать их не легче. (То есть пленум не открыл тайн, он — командор — тоже их не знает или, во всяком случае, не приоткрывает теперь, прилюдно, за здорово живешь)... А я, знающий назубок credo учителя, летел мысленно в другую сторону по тому туннелю. Ошеломили меня — «огни райа». Думалось: все же автор «Коммуниста», собственной Ленинианы, «Нашего современника». Герои, как ни крути, воинствующие атеисты! И друг — рай. Еще куда ни шло, тот свет. Но Евгению Иосифовичу почудился именно рай. А старики — были люди! И, само собой, то не было видение дома ветеранов в Матвеевском, о котором он сам позже будет отзываться с восторгом.

И я-таки просек — уже потом, в небе (в самолете), — что рай, во-первых, не есть благоухожащая, раз и навсегда любимому и каждому (из достойных) заданная среда ничтогонеделия. Что он, во-вторых, есть зеркало или зазеркалье лучших наших качеств. Что для людей, постигших тайны ремесла, в-третьих, он есть несквозной «город мастеров». Что наш старый любимый Габр, в-четвертых, всенепременно попадет в этот город — он уже сегодня числится в его переложенной голубым плюшем книге почетным гражданином.

«НАПИСАННОЕ ОСТАЕТСЯ»

Пренебрегая всяким богатством в обывательском, «буржуазном» понимании, Антуан де Сент-Экзюпери, как известно, заметил: существует лишь одна подлинная роскошь — роскошь человеческого общения. Кино, если ты ему отдал жизнь, позволяет купаться в такой роскоши! Я, не имеющий ни пишущей машинки, ни «тачки», ни даже велосипеда, из богатых. К тому в круг общения на равных правах входят и неплотские существа: герои любимых художественных произведений. Через всю мою жизнь, начиная с детства — когда в годы войны фильмы значили ровно столько, сколько выигранные сражения, — прошли два человека, что называется, «живее всех живых»: Саша-с-Уралмаша и Аркадий Дзюбин (одессит). Фильм «Два бойца» я смотрел сто раз. И хотя он, бесспорно, «виноват» в зияющих провалах моего начального культурного образования — пожрал уйму времени! — Я, «образованец», все прощаю ему. Потому что я люблю этих бойцов. И любовь оказалась столь всевластной, что сместила, искривила линии судьбы на ладони: сначала я жил и работал в Свердловске, потом — в Одессе. Поиную просто не могло сложиться! И напрасно меня спрашивают, где вам жилось, работало лучше. У меня — два предсудия и два желудочка. У меня есть родная студия, есть любимая. Свердловская и Одеская.

Мальчишки не читают титров, но для актеров делают исключения. Борис Андреев, Марк Бернес... Сколь же приятным было открытие на учебном ВГИКовском просмотре: автор сценария «Два бойца» — Е. Габрилович! Так это он породил Сашу, придумал Аркадия... Стоп, позже выяснилось, что фильм создан по повести Льва Славина «Мои земляки», и герои имеют прототипы. Я вспомню об этом в речи на открытии мемориальной доски на одесском доме Славина. Мой мастер не виноват в том, что редакторы Алма-Атинской студии забыли вставить Славина в титры: Евгений Иосифович, сдав сценарий, отбыл тогда на фронт. И фильм он увидел в 44-м тоже там — на фронте...

Е. И. много и по большей части удачно писал сценарные версии книг: «Овод», «Два капитана», «Возвращение Василия Бортникова»... «Последняя ночь», «В трудный час», «В огне брода нет», «Четыре четверти» — авторские экранизации его собственных повестей, рассказы, мемуаров. Он ведь и начинал в литературе как прозаик. Кино соварило, распознал счастливая доля себя жертву обществу, обломал о суеху драматургии даже и охуждение критики литературные зубы, писатели «отваливаются». Не у многих хватало шолоховского мужества признать: не дается. Даже «Судьба человека» — готовый, казался бы, сценарий — он препоручил в другие руки, когда дошло до экранизации.

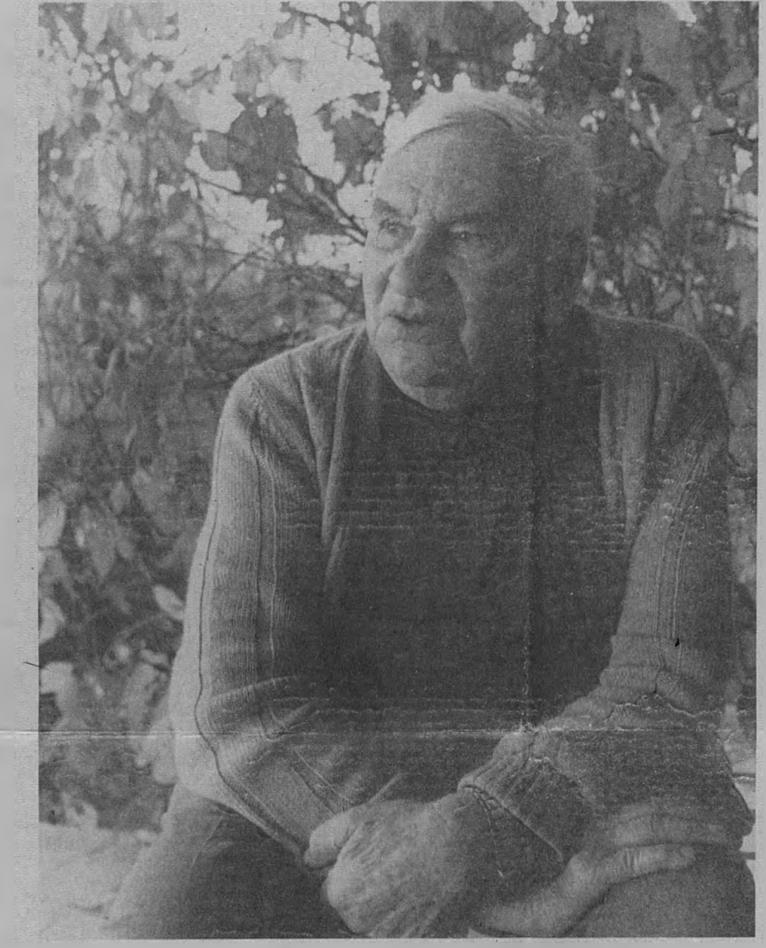
Евгений Габрилович остался в кино. Полюбил. Нашел себя в нем. И не в том тут гоады, что в оригинальных сценариях он раскован, драматург-демократ («Машенька», «Мечта», «Человек № 217», «Коммунист», фильмы о Ленине), но в его унаследованной именно от прозы уважительной любви

к слову. К тому, что написано пером — не вырубишь топором: на белом листе бумаги. И не нам только, ученикам, но всему корпусу сценаристов, работающих в мировом кино, русский кинематографический писатель обратил опорную мысль: «Сценарий — это прежде всего литература».

В ГИКе, как называл институт Е. И., такой подход к литературной основе фильма преобладал, если не господствовал. Что делает вузу честь, как и всей школе отечественной сценарной словесности. Знают немногие, что из гиковских мастерских вышли в мир большой прозы Ю. Нагибин, Ю. Куранов, Е. Шатко... Автором

Олег Хомяков

НАШ ЛЮБИМЫЙ СТАРЫЙ ГАБР

многих книг, членом СП стал и моего однокурсник Леся Корнухины. Мы, разумеется, клялись в верности кино, хотя учились в эпоху малокартинья — оставляющую нам мало шансов.

Да еще эта история с В. Дундичевым! Привыкшие считать свое искусство «самым массовым» а значит, и самым действенным, мы потрясенно наблюдали за неподдающимся описанию успехом столы испианных листов, на первом из которых муштвованная авторская ружья начертала: «НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ». Роман Буковича опрокинул сознание современников и в каком-то смысле вывокал новое поколение.

— Что это за роман, о чем? Я слышу: все о нем говорят, мой Алешка (сын учится в седьмом классе) прочитал — тоже хвалит. Расскажите!.. В этом был весь Габр — восседавший на кафедре, вкусно пощасовавший пустотелую трубку. Доверчивый, как равновесный товарищ по ремеслу (слишком тогда далекому от свиной правды), по макушке погруженный в свои сценарные заботы, знающий цену печатному слову, но больше, как экранизатор, интерпретатор.

Между тем ни историю старости Васи-о влюбленном сердце, ни историю ГУЛАГ проглотил, как Мойсодыр молчаливо, ни роман, который тогдашний генсек, по собственному его признанию, «читал без булавки» (то есть не колот себя в экран не представлялось возможным). Такое не пришло бы даже в очень большую голову! Автор этих строк приложил все мыслимые усилия, чтобы пробить телесериял «Не хлебом единым» — жизнь спусти. Был написан сценарий. Но ЦТ сделало все, чтобы его похерить. Не там были живы, да не там и теперь живют.

дебюта. Не нашел. Пробовал написать сам — это другая заимательная история. Но в конце концов остановился на одном из ранних рассказов Е. Габриловича «Случай на фронте». Зная, что я в некотором роде ученик, Глеб попросил меня связаться с мэтром. Пришлось напомнить: «Не думай, что Габрилович будет писать для тебя сценарий...» «Это мое дело». — В глазах режиссера, которого я знал и по годам его работы в комсомоле, полихнула закаленная сталь.

Конечно, я позвонил Е. И. Сказал, что молодой режиссер хотел бы экранизировать рассказ «Случай на фронте»...

Олег Хомяков

ЛУЧШИЙ УЧЕНИК

Однажды, когда мы уже ощущали в пальцах плотность дипломных корочек, мастер ласково пробурчал: «Вы там, на студиях, не слишком козы-

Глеб Анатольевич Панфилов увлекся созданием фильмов. Он мог бы создать страну. Новую, для которой в огне брода нет. Бывший кинематографист Рейган понял однажды, что пора, надо. И стал президентом. Наш человек с героической фамилией, для которого, повторяю, невозможного не существует, еще не слышит в себе зов времени, ставит развлекательные пьесы...

Но выяснилось, что на «Мосфильме», куда мастер понес учебную работу, уже сияет «Мексиканец» — в котором не было на дух подобный деталей. И вообще сценарий таял на 0,3 «Габра». Та же история получилась с че-

Олег Хомяков

ХУДШИЙ УЧЕНИК

В дипломном сценарии «Товарищ Кашин» Шилов рассказал историю о том, как загубили жизнь и любовь вологодского парня: из хорошего тракториста сделали слабого секретаря райкома. То был многих бесславный путь — так создавался мертвый балласт номенклатуры. Которая посыпалась гнилыми яблоками в «день икс» КПСС. Габрилович сделал все для успешной производственной судьбы сценария. Нет, скорчили. Ни дня тебе, ни покрывши. И так — один за другим, один другого лучше!

Хочешь жить, умей вертеть жернова заказов. Шилов написал сценарий по роману Бровка «Когда сливаются реки». Постановку поручили режиссеру... научному-популярного кино. «Что получишь?» — спрашиваю Юниора. «Скукота «Когда сливаются реки». Из таких «заказух» состоит его недлинный сценарийный путь. Вот заказ на уральскую студию: сделать фильм — ну если не о любви, то об уважительном отношении заключенных... к охранникам. Юниор мастерски написал побег эка из тюрьмы: паводок, эка на льдину, стрелок на другую, течение то сближает эка льдины, то разводит — «щелкнуты» беглеца недолго, но человек с ружьем — гуманист. Он позже на себе потащит подранка в тюрьму. И дощит. И тот ему спасибо скажет: за спасенную жизнь... Ну чего вам еще надо, эмзэдэшники? Пqxвалили. Похоронили!

Актрисе «Ленкома» Ане Шиловой муж посоветовал пойти «в дикторы». Она без энтузиазма пришла на конкурс, прошила его. Всесоюзная слава. Как-то в поезде при Юниоре заговорили: кто у Шиловой муж. «Военный», — сказал полковник. «Мы так и думали!» — зашебетали дамы. Юниор робко вставил — не конкретизируя, — что гражданский. Полковник был задет за живое: «Наверное, мне лучше знать, товарищ, кто жена моего начальника». — «А кто ваш начальник?» — «Генерал ПВО страны. Фамилия не называю: государственная тайна, как вы, надеюсь, понимаете». — «Понимаю. Генерал Шилов», — процедила Юниор и вышел из купе.

Нет, он не стал генералом песчаных карьеров советской кинодраматургии, где, повторю, умели кого угодно зарыть, засыпать — с головой. Но я горд тем, что имею представление о «национальном достоянии», каким Юниор Дмитриевич был и остается. Что-то принесут ему новые времена!

Олег Хомяков

РАЙТ МОИМ ИМЕНЕМ

«Я из мастеровской Габриловича... я ученик Габриловича...» Ильф тут прав: спасение утопающих... Вы меня поняли? Но такой штрих: Е. И. для предупреждающего напутствия выbral минуту, когда в аудитории создано не было одного человека. Лучшего, первого из нас...

Тут еще слово — о кинодраматургии. Один из братьев-кавказцев (не хочу называть фамилию), удачно в сем жанре подвизавшийся, бойко похвалился: мол, я писал раньше прозу, перешел на сценарии — и особой разницы не вижу. Это их профиль — устранивать эка везде, начиная с гостиниц!.. А ведь ни одного достойного, завидного по сценарию мастерству фильма по его «полупрозе-неодраматургии» создано не было. На безрыбье и рак рыба, и все они ходят, толкуют по домам кино — в «сценаристах»...

Я уже говорил: редчайший дар. Талантливейшие сценаристы рождаются редко — даже на Кавказе. Это — национальное достояние.

Мне повезло, я учился на одном курсе с таким талантом. Который писал учебные сценарии — на три «Габра». Ибо сам Габр восхищался ими!

Юниор Дмитриевич Шилов. Знаю, со мной согласятся все, кому ведомо это имя, знакомо это перо. Москвич. Актёр «Ленкома». Снявшийся в фильме «В дальнем плавании». Чем-то похожий внешне на Вячеслава Тихонова и, в сущности, игравший его роль. Ощутивший в себе призвание — сценариста. Блеставший учебными работами. Преследуемый роком. Муж Анны Шиловой, «звезды» телеэкрана. Профессиональный кинодраматург... не оставивший в советском кино никакого следа! Ибо оно было в вечном конфликте — с талантами.

лам. Первый — из своего угла, восторженно: «Вот это правая», второй — из своего, потрясенно: «Вот это левая!» (И все мы тоже потрясены: мастер и ученики). Герой обессилен на ринге. Но революции нужны деньги на оружие. Любимая девушка кладет ему в перчатку ягоды. Он скал их, сок льется, как кровь! Он встает и — отправляет соперника в нокаут.

Но выяснилось, что на «Мосфильме», куда мастер понес учебную работу, уже сияет «Мексиканец» — в котором не было на дух подобный деталей. И вообще сценарий таял на 0,3 «Габра». Та же история получилась с че-

Олег Хомяков

СОЖЕТЕ ДЛЯ «ФИТИЛЯ»

Космонавт, осматривая снаружи станцию «Мир», собрал целый кулек отпавших деталей! В космосе они летают рядом со станцией, собрав их легче. Такой сюжет во всем мире называется «Русская работа».

Точный аналог: когда я устремляюсь на стезю драматургии, из меня — страница за страницей — вываливается, вытряхивается содержимое мотора, и без того слабого. Не для меня дорога!

Но и с таковым двигателем далеко бы я не уехал. В институте сценарист — птица, поющая на ветке. Мастер послушал, выставил оценку. Это сбивает с толку, создает иллюзию свободы. Но нет более зависимой профессии, чем сценарист в кино. На тебя давят, тобой помыкают, тебя толчут. Все — начиная с режиссера.

Так вышло, что я, редактор, стал крестным отцом для молодого сценариста, дебютировавшего на Свердловской студии. Вот он-то позже написал сценарий для Райзмана! После работы бок о бок в течение года. «О, это была такая мука и такая школа!»

Я бы не снес. Даже сиди во мне пять Шиловых. Однажды Габр приоткрыл полшутя одну из своих тайн: «Написав сценарий, я заваливаю его в три месяца в сенаторий — чтобы восстановиться. Запустив его в производство, ложусь на пять месяцев. Сдав фильм Госкино — на год. Имейте мужество отдыхать от дел!»

НА ТОМ БЕРЕГУ

Московские кинематографисты приехали в начале 60-х в Свердловск. Тогда, после «ЧП», «Мичмана Панина», входил в заслуженную славу Вячеслав Тихонов, и на встречах громоздились горой записки в президиумах: «Кто у Тихонова жена?» В одной просили: «Дорогой Вячеслав! Пройдите, пожалуйста, по залу: хочется потрогать Вас на ощупь». Е. И. Габрилович недоумевал. На «Эльмаше» он перечислил фильмы, снятые по его сценарию (что ни название — аплодисмент), потом спросил, почему же никто не спросит о его личной жизни, о его жене. Деликатные свердловчане учили промах, и на «Уралмаше» кинодраматурга спросили письменно: «Уважаемый г. Габрилович! Скажите, пожалуйста, кто Ваша жена и кто жена у Тихонова?»

Я никогда не видел, а теперь уж никогда не увижу на груди учителя Золотую Звезду — Е. И. и лауреатскими своими медалями не любил похвалиться.

Зато он поспешил с воспоминаниями о Михаиле Булгакове, когда вспыхнула эта ссдорвановая. Как же, соседи по дому. Лук занимали жены друг у друга — хоч — о дружбе семей речь не идет. «Я как-то спросил Михаила Афанасьевича, — рассказал Е. И., — над чем он теперь работает. Ответил уклончиво: пишу одну вещь. Теперь думаю — с обручем на сердце — ведь это наверняка говорилось о романе века, о «Мастере и Маргарите». И тогда насильно копьевые остряки, которые взвизгнули: два имени — две литературы, «Ленин в Польше» и «Мастер» — в вечности.

ХУДШИЙ УЧЕНИК

В Болшеве на семинаре я оказался на момент в обществено светил-близнецов: Габриловича и Райзмана. «Олег, напишите для Юлия Яковлевича сценарий», — предложил без тени юмора мэтр. (К счастью, в змнем саду никого, кроме нас троих, не было). Он с таким же успехом мог предложить мне высидеть на Луне — вместе с американцами. Оглушенный, я просто промолчал.

Нет, Евгений Иосифович, этого я не могу сделать. Не напишу.

Помню, в ГИКЕ И. В. Вайсфельд поставил мне двойку за рецензию на фильм. Другим тоже досталось на орехи. Ведь мы не критики — «сценаристы»! И. В. намекнул, что сценарии надо кормить, пока они пишутся: неплохо бы в институцких стенах подготовить себя к профессии редактора — хотя бы. Куда там. И по доброту своей «мудрой Ильи» махнул на нас рукой: жизнь научит. Не всех, но меня научила. Хотя до настоящего редактора — класса И. Вайсфельда, Л. Нехорошева, Ф. Гуксанд, Н. Глаголевой — мне далеко, как все до той Луны.

В учебных сценариях мастера хвалили мой диалог. Но в

сюжете для «Фитиля», который называется «Вышел трактор из ремонта», нет ни одной реплики. Просто выезжает трактор из мастерской, едет по дороге, и из его железного нутра вываливается... болтик. Ничего страшного. Трактор катит себе дальше. Но что-то еще из него вываливается... еще... цепь гаечек устилает дорогу... выпадает болт... и наконец дымящийся цилиндр. Мотор глохнет, трактор останавливается. Это очень жизненный сюжет. Космонавт, осматривая снаружи станцию «Мир», собрал целый кулек отпавших деталей! В космосе они летают рядом со станцией, собрав их легче. Такой сюжет во всем мире называется «Русская работа».

Точный аналог: когда я устремляюсь на стезю драматургии, из меня — страница за страницей — вываливается, вытряхивается содержимое мотора, и без того слабого. Не для меня дорога!

Но и с таковым двигателем далеко бы я не уехал. В институте сценарист — птица, поющая на ветке. Мастер послушал, выставил оценку. Это сбивает с толку, создает иллюзию свободы. Но нет более зависимой профессии, чем сценарист в кино. На тебя давят, тобой помыкают, тебя толчут. Все — начиная с режиссера.

Так вышло, что я, редактор, стал крестным отцом для молодого сценариста, дебютировавшего на Свердловской студии. Вот он-то позже написал сценарий для Райзмана! После работы бок о бок в течение года. «О, это была такая мука и такая школа!»

Я бы не снес. Даже сиди во мне пять Шиловых. Однажды Габр приоткрыл полшутя одну из своих тайн: «Написав сценарий, я заваливаю его в три месяца в сенаторий — чтобы восстановиться. Запустив его в производство, ложусь на пять месяцев. Сдав фильм Госкино — на год. Имейте мужество отдыхать от дел!»

НА ТОМ БЕРЕГУ

Московские кинематографисты приехали в начале 60-х в Свердловск. Тогда, после «ЧП», «Мичмана Панина», входил в заслуженную славу Вячеслав Тихонов, и на встречах громоздились горой записки в президиумах: «Кто у Тихонова жена?» В одной просили: «Дорогой Вячеслав! Пройдите, пожалуйста, по залу: хочется потрогать Вас на ощупь». Е. И. Габрилович недоумевал. На «Эльмаше» он перечислил фильмы, снятые по его сценарию (что ни название — аплодисмент), потом спросил, почему же никто не спросит о его личной жизни, о его жене. Деликатные свердловчане учили промах, и на «Уралмаше» кинодраматурга спросили письменно: «Уважаемый г. Габрилович! Скажите, пожалуйста, кто Ваша жена и кто жена у Тихонова?»

Я никогда не видел, а теперь уж никогда не увижу на груди учителя Золотую Звезду — Е. И. и лауреатскими своими медалями не любил похвалиться.

Зато он поспешил с воспоминаниями о Михаиле Булгакове, когда вспыхнула эта ссдорвановая. Как же, соседи по дому. Лук занимали жены друг у друга — хоч — о дружбе семей речь не идет. «Я как-то спросил Михаила Афанасьевича, — рассказал Е. И., — над чем он теперь работает. Ответил уклончиво: пишу одну вещь. Теперь думаю — с обручем на сердце — ведь это наверняка говорилось о романе века, о «Мастере и Маргарите». И тогда насильно копьевые остряки, которые взвизгнули: два имени — две литературы, «Ленин в Польше» и «Мастер» — в вечности.

Нет, не честь нашего мастера вызывает к отпору. И даже не то, что «важней» скорее всего был «Батум» — ведь театральным драматург знал, что разговаривает с кинодраматургом. Но злыдни со своей пошлой ставкой на добивание «литературы» советского периода — богатой достойнейшими именами! — просто упрямо не хотят признать: они не умнее народа. А народ знал и знает цену каждому из тех имен. И кого хочется «пощупать на ощупь», тоже никогда не скрывал.

Ибо даже небесное светило имеет разнонаправленные световые потоки. Так и солнце Таланта.

Фильмы, к которым причастен Евгений Иосифович Габрилович, похожи на главных его героев: простых, чужденных людей, на плечи которых легла непосильная ноша истории. Но они ее вынесли. А вынесут ли их правнуки — еще большой вопрос.

Все мы, причастные к той эпохе, видим удаляющийся от нас берег. Берег нашей памяти. И оставляем на нем то, что оставили миллионы людей до нас, — жизнь, любовь, страх, мечту... Прощайте Машеньки, Саша, Аркадий, Губановы, Ульяновы!.. Где мы и когда встретимся — и зачем были — одному Богу известно.

Ибо даже небесное светило имеет разнонаправленные световые потоки. Так и солнце Таланта.

Фильмы, к которым причастен Евгений Иосифович Габрилович, похожи на главных его героев: простых, чужденных людей, на плечи которых легла непосильная ноша истории. Но они ее вынесли. А вынесут ли их правнуки — еще большой вопрос.

Все мы, причастные к той эпохе, видим удаляющийся от нас берег. Берег нашей памяти. И оставляем на нем то, что оставили миллионы людей до нас, — жизнь, любовь, страх, мечту... Прощайте Машеньки, Саша, Аркадий, Губановы, Ульяновы!.. Где мы и когда встретимся — и зачем были — одному Богу известно.